

Л. И. БАРАННИКОВА

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЕСТА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ОБЩЕНАРОДНОМ ЯЗЫКЕ

На всех этапах существования языка функция обиходно-бытового общения выступает как наиболее существенная, первичная, однако в разных конкретно-исторических условиях она выполняется разными компонентами языка. Анализируя особенности исторического развития конкретных языков, можно выделить три основных типа компонентов, используемых для обиходно-бытового общения: 1) территориальные диалекты, 2) междиалектные разновидности речи (интердиалекты, полудиалекты, городские койне, просторечие); 3) наддиалектная разговорная речь как особая разновидность литературного языка. Использование одного из этих компонентов определяется общими социально-историческими условиями функционирования языков, а конкретные особенности используемых компонентов, их своеобразие зависят от конкретно-исторических условий развития и функционирования отдельных языков, что связано с своеобразием исторической жизни их носителей. Поэтому вопрос о характере современной разговорной речи, о ее месте в системе языка может решаться лишь в социально-историческом плане, что делает необходимым последовательное рассмотрение основных этапов развития языка и его компонентов.

Прежде чем обратиться к такому рассмотрению, необходимо сделать несколько оговорок, без которых дальнейшие построения не были бы оправданы.

1. Язык, представляя собой особую сложную коммуникативную систему, может быть реализован лишь в виде совокупности составляющих его частей (подъязыков, компонентов). Такими частями, в своей совокупности составляющими язык как единое целое, являются литературный язык во всем многообразии его функционально-стилевых разновидностей, просторечие, диалекты, койне, полудиалекты, сленг и тому подобные отдельные, частные, особые формы реализации и функционирования языка, взятого как целое.

2. Решающее значение в проявлении внутренней членимости языка, в количестве и особенностях выделяемых компонентов имеет своеобразие использования языка в определенных условиях, т. е. характер функционирования языковой системы. Поэтому решающее значение при определении компонентов языковой системы и выявлении их конкретных реализаций имеет социально-функциональный план, т. е. выяснение общественных функций языка как целого и функций его отдельных компонентов (подъязыков).

3. Выяснение характера социального функционирования требует учета временного и пространственного разнообразия такого функционирования, т. е. учета особенностей бытования языка (как целого) и составляющих его компонентов (подъязыков) в разные периоды, в разных коллективах.

4. Различия в особенностях состава социально-исторически обусловленных компонентов языка и в их функционировании обязательно должны сказаться на особенностях внутренней организации этих компонентов, строении их систем¹.

На разных этапах существования языка не было условий для его внутренней дифференциации². Слабость межплеменных связей, отсутствие государства, отсутствие письменности, относительная примитивность общественных внутриплеменных отношений приводили к ограничению языковых функций почти исключительно функциями обиходно-бытового общения. Следовательно, в этот период отсутствовали причины, способствующие развитию внутреннего членения языка³.

Усложнение форм общественной жизни с появлением союза племен и зарождением государства сказывается и на функционировании языка. Происходит размежевание функций языка и диалекта, выделяется особый тип наддиалектной речи, формируется литературный язык. Однако литературный язык этого периода существенно отличается от литературных языков последующих периодов. Литературный язык — такое же исторически обусловленное образование, как и другие компоненты общего языка. Если основными свойствами литературного языка считать многофункциональность, внетерриториальность, наддиалектность, нормированность, то следует сказать, что на первых порах эти свойства проявляются далеко не в полной мере.

Наиболее существенным оказывается то, что литературный язык на всем протяжении донационального периода не обладает тем многообразием функций, какие ему свойственны в наше время. Вызванный к жизни прежде всего потребностями официально-делового внутригосударственного и межгосударственного общения, литературный язык оказывается функционально-ограниченным. Лишь постепенно он начинает приобретать и другие функции⁴.

Есть все основания полагать, что на начальных этапах литературному языку была чужда функция обиходно-бытового общения. Литературный язык возникал не для удовлетворения потребности в повседневном, бытовом общении, он не обладал, по словам В. В. Виноградова, «свойством общенародной коммуникативности»⁵. В этом убеждают не только соображения общетеоретического порядка, но и факты исторического развития конкретных литературных языков⁶. Средством обиходно-бытового общения служили прежде всего территориальные диалекты, которые в границах определенной территории использовались всеми социальными группами. Даже много позже на диалектах говорили не только крестьяне, но и представители мелкопоместного дворянства⁷. Лишь в городах наряду с использованием территориального диалекта было возможно ис-

¹ О различиях в строении системы языка и диалектов см.: Л. И. Баранникова, О разграничении языка и диалекта, сб. «Язык и общество», М., 1968.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 21, стр. 93.

³ О возможных территориальных диалектных различиях не говорим, так как в данном случае имеются в виду различия иного (функционального) порядка.

⁴ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, «IV Международный съезд славистов», М., 1958, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 130.

⁶ См. например: В. Н. Ярцева, Развитие национального литературного английского языка, М., 1969.; см. также: Н. И. Конрад, О литературном языке в Китае и Японии, сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков», М., 1960 и другие статьи этого сборника.

⁷ Е. Д. Поливанов, Задачи социальной диалектологии русского языка, «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, 2, стр. 45.

пользование различных городских койне. Очевидно, прав В. М. Жирмунский в своем предположении, что «в больших средневековых городах с их смешанным составом населения должно было происходить в той или иной степени выравнивание наиболее резких особенностей местных говоров, отличающее региональный говор такого городского центра от местного диалекта его крестьянской округи»⁸. Важно отметить, что и в этом случае региональная ограниченность речи сохранялась. Видимо, широкое распространение в среде образованных представителей господствующего класса имело своеобразное двуязычие, когда в разных ситуациях пользовались то особым, часто чужим литературным языком, то своими диалектами или областными койне. Использование местных диалектов в общедо-бытовом общении не мешало представителям дворянских верхов понимать, например, язык средневековой поэзии, как и особое поэтическое койне немецких миннезингеров или русских сказителей.

Думается, что основным средством общедо-бытового общения были территориальные диалекты и в меньшей степени городские койне, которые возникали прежде всего для потребностей делового, главным образом торгового общения. Однако койне и диалекты, выполняя функцию современной разговорной речи⁹, существенно отличались от нее. Диалекты отличались прежде всего своею территориальной ограниченностью, койне — отсутствием единой, сложившейся системы коммуникативных средств¹⁰. Такое отсутствие общей разговорной разновидности литературного языка в донациональный период не случайно. Оно соответствует общим особенностям феодализма с его крайней территориальной раздробленностью, приводившей в отдельных случаях к появлению региональной окраски даже у письменного литературного языка.

Быть средством повседневного бытового общения литературный язык в этот период не мог и потому, что он часто был чужим, иногда даже неродственным народному языку. Вместе с тем сам факт возможности использования чужого языка в качестве литературного свидетельствует об отсутствии у литературного языка общедо-бытовой функции. Такой функции не имели и литературные языки, возникшие на базе своих диалектов, так как они оставались чужими для носителей других диалектов¹¹. Неизбежным оказывалось функциональное двуязычие, т. е. использование в разных функциях разных языков.

Положение меняется с усложнением характера общественных отношений, с развитием капитализма, приводящим к необходимости государственного сплочения «территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹². В ленинской характеристике положения языка при капитализме для нас важно обратить внимание на два момента: 1) новые условия определяют необходимость развития литературного языка на своей народной основе, делают невозможным использование чужого язы-

⁸ В. М. Ж и р м у н с к и й, Проблемы социальной диалектологии, ИАН ОЛЯ, 1964, 2, стр. 110.

⁹ См.: М. М. Г у х м а н, Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков, сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков», стр. 300.

¹⁰ Территориальная ограниченность была свойственна и койне, так как в разных городах они, очевидно, значительно различались, но для койне это отличие от разговорной речи не было главным.

¹¹ См., например: Т. В. А л и с о в а, Особенности становления норм итальянского письменного литературного языка в XVI в., сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков», стр. 181—184.

¹² В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., 25, стр. 258.

ка в функции литературного¹³; 2) новые условия препятствуют развитию региональной разобщенности литературного языка, обуславливают необходимость его территориального единства. Тем самым ограничиваются функции диалектов, становится невозможным их использование для деловой речи, происходит обязательный переход всей деловой письменности на общую внегосударственную наддиалектную форму речи.

В новых условиях становится возможным, а затем и необходимым использование литературного языка в функции обиходно-бытового общения. Это подготовлено целым рядом факторов и прежде всего новой основой литературного языка. «Времена двуязычия, — пишет В. Н. Ярцева применительно к судьбам английского языка, — когда свой язык и чужой язык разграничивали сферу своего использования в Англии, безвозвратно прошли»¹⁴. Это справедливо, конечно, не только для Англии. Процесс этот был подготовлен сужением и ограничением коммуникативных возможностей диалектов, которые в этот период оттесняются из городов, становятся не только территориально, но и социально ограниченными¹⁵. Крупные города и раньше «развивались в сторону смягчения резких особенностей той диалектной области, в которую они входили»¹⁶, но теперь этот процесс усиливается. При этом диалекты теряют возможность выполнять разные функции и оказываются средством общения в основном для жителей сельских мест.

Но переход функции обиходно-бытового общения к литературному языку произошел далеко не сразу. С одной стороны, еще продолжали использоваться диалекты¹⁷, с другой — шире начинали использоваться полудиалекты, городские койне, просторечие, т. е. компоненты, не входящие в состав литературного языка. В составе молодых национальных языков еще не было того компонента (подъязыка), который теперь называется разговорной речью.

В связи с этим возникает два вопроса: 1) почему обиходно-бытовая функция у литературных языков развивается позже, 2) в каком отношении к литературному языку и диалектам находились те компоненты национального языка, которые на ранних этапах его развития использовались в обиходно-бытовой функции.

Пришедшие на смену диалектам первоначально в условиях города интердиалекты, полудиалекты, просторечие представляют по существу разновидности одного и того же явления — типа речи, стоящего за пределами литературного языка, но не имеющего или почти не имеющего территориальной ограниченности. Первый названный признак абсолютен¹⁸, второй — относителен: какие-то территориальные различия, связанные с диалектной основой, обычно есть. Третьим признаком этого типа речи следует считать его функциональную ограниченность: он используется почти

¹³ См., например, факты, приводимые А. А. К а с а т к и н ы м в статье «История языка и история права (на материале некоторых романских языков)», ИАН ОЛЯ 1964, 2.

¹⁴ В. Н. Я р ц е в а, Развитие национального литературного английского языка, М., 1969, стр. 114.

¹⁵ Ф. П. Ф и л и н, К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка, сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», М., 1962, стр. 27.

¹⁶ М. М. Г у х м а н, Становление литературной нормы немецкого национального языка, сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков», М., 1960, стр. 259.

¹⁷ Поскольку литературный язык возникает обычно на базе того или иного диалекта, то на первых порах его близость к диалекту еще очень велика. Ведь даже в наше время диалектный субстрат часто весьма ощутимо проступает в разговорной речи лиц, вполне владеющих литературным языком.

¹⁸ В составе литературного языка могут использоваться лишь отдельные элементы просторечия, полудиалектов и т. п.

исключительно в обиходно-бытовой функции. В этом отношении он отличается не только от литературного языка, который характеризуется многофункциональностью, но и от диалектов, которым в посленациональный период наряду с функцией обиходно-бытовой речи свойственна функция народно-поэтической, а отчасти и публичной речи¹⁹. Четвертый признак — повышенная вариантность, отсутствие строгой единообразной нормы, что отличает просторечие, полудиалекты, койне не только от литературного языка, но и от диалектов. В переходных типах речи оказались нарушенными старые, по сути весьма строгие диалектные нормы, вследствие утраты многих существенных диалектных признаков, а столь же строгих новых норм не выработалось²⁰.

Подобный тип речи применительно к русскому языку обычно называется просторечием, для французского языка принято говорить о региональном или провинциальном французском (*français régional* или *provençal*) в отличие от диалектов (*les patois*)²¹. Аналогичное противопоставление имеется и в немецком языке, где, кроме диалекта (*Mundart*), общенационального литературного языка (*Hochsprache*, *Gemeinsprache*), выделяется промежуточный тип (*Umgangssprache*, *Halbmundart*)²². Такое же трехчленное деление отмечается некоторыми исследователями в чешском языке, где обиходно-разговорная речь рассматривается как интердиалект, противопоставленный другим диалектам и литературному языку²³.

Конечно, дело не только в терминологии. Между просторечием, полудиалектами, интердиалектом и т. п. есть известные различия, но в данном случае для нас важно, что все они выполняют функцию обиходно-бытовой речи и занимают промежуточное положение между литературным языком и диалектами. Для всех этих типов речи верхней границей оказывается литературная речь, а нижней — диалекты; но и та и другая граница подвижны и изменчивы в зависимости а) от исторического периода, о котором идет речь, б) от особенностей конкретных языков, в) от различий в характере отдельных социальных групп носителей этого типа речи.

Чем ближе к нашему времени, тем больше стираются черты, сближающие названные разновидности с диалектами и вносящие элемент территориальной вариативности. В основе этих разновидностей лежат территориальные диалекты, поэтому в прошлом признак внутритерриториальности проступал значительно слабее. Постепенно он усиливается, однако степень его выявления прямо зависит от особенностей диалектного членения отдельных языков.

В русском языке с его относительной близостью диалектов территориальная вариантность в просторечии проступает сравнительно слабо. Не случайно в русском языкознании не привился термин «полудиалект», а обычно говорят о просторечии, подчеркивая отсутствие территориальных границ у ряда его элементов²⁴. В языках, подобных немецкому, где различия между диалектами очень велики, существенными оказываются и

¹⁹ Л. И. Баранникова, К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи, сб. «Вопросы стилистики», 2, Саратов, 1965.

²⁰ Конечно, в этих типах речи есть свои нормы, определяемые системой языка в целом и вырабатываемые практикой употребления, но важно, что они не обладают строгостью и последовательностью (ср.: В. А. Ицкович, Языковая норма, М., 1968).

²¹ A. D a u z a t, Les patois, Paris, 1927.

²² В. М. Жирмунский, Проблема социальной дифференциации языков, сб. «Язык и общество», стр. 26.

²³ Б. Гавранек, О функциональном расслоении литературного языка, сб. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 439—440.

²⁴ Конечно, эта внутритерриториальность просторечия даже в наше время относительна, так как диалектный субстрат всегда в той или иной степени проступает (ср.:

территориальные различия в переходных типах речи²⁵. При этом важно учитывать не только наличие существенных различий между диалектами, но и своеобразие исторических условий жизни носителей языка. Наличие существенных различий между полудиалектами в странах немецкого языка связано с их поздним национально-политическим объединением. Столь же позднее национально-политическое объединение Италии привело к появлению аналогичной лингвистической ситуации²⁶. Наоборот, более раннее интенсивное развитие капиталистических отношений во Франции и Англии ускорило процесс нивелировки местных диалектных особенностей, появления типа речи, более далекого от местных диалектов, в значительной степени территориально нейтрального.

Нельзя игнорировать и наличие различий, отражающих социальную неоднородность носителей просторечия, на которую обращали внимание исследователи ряда языков²⁷. В русском языкознании проявлением стремления отразить эти различия было использование уточняющих определений: интеллигентское просторечие, дворянское просторечие, мещанское просторечие, городское просторечие, городские жаргоны и т. п. Социальные варианты просторечия различаются многими особенностями, но для нас сейчас важно, что они различаются и по степени близости к литературному языку или диалектам.

В капиталистических условиях широкие массы даже городского населения были далеки от возможности усвоения правильных литературных норм, поэтому было вполне естественным использование для обиходно-бытового общения просторечия и подобных переходных типов речи. Однако для обиходно-бытового общения литературным языком на ранних этапах его развития не пользовались, по-видимому, и представители социальных верхов, что связано было с особенностями самого литературного языка, имеющего далекий от разговорной речи характер.

Есть все основания считать, что в ранний период существования национальных литературных языков обиходная разговорная речь не входила в состав их компонентов. Во-первых, еще только складывались нормы литературной речи, а для развития всех литературных языков характерно то, что в первую очередь формируются нормы письменной речи. «Известно, — пишет В. Н. Ярцева, — что обычно литературные нормы раньше устанавливаются в речи письменной, чем в речи устной»²⁸. О такой же закономерности говорят Н. И. Конрад применительно к языкам Востока, Т. Б. Алисова применительно к итальянскому, М. М. Гухман в применении к немецкому и т. д.²⁹ Та же закономерность, по мнению В. В. Виноградова, характерна и для русского языка³⁰. Разговорная речь — это устная речь, так что отсутствие отработанной нормированной устной формы речи — очень существенный показатель отсутствия разговорной речи как особого компонента литературного языка.

Во-вторых, литературный язык на ранних этапах его развития еще не успел выработать сложной системы противопоставленных функциональных стилей. Стилиевая дифференциация развивается вместе со стабилизацией литературной нормы³¹, и также, естественно, проявляется прежде

В. И. С о б и н и к о в а, Наблюдения над городским просторечием. «Уч. зап. Орловского пед. ин-та», т. XXI, вып. VI, 1962).

²⁵ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, указ. соч., стр. 26—27.

²⁶ Там же, стр. 36.

²⁷ Там же, стр. 36—38.

²⁸ В. Н. Я р ц е в а, указ. соч., стр. 153.

²⁹ См. сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков».

³⁰ В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык в современном мире, «Русская речь», 1970, 1, стр. 8.

³¹ В. Н. Я р ц е в а, указ. соч., стр. 139.

всего в письменной форме речи. В первую очередь развивались, конечно, те типы речи, потребность в которых была наиболее настоятельной и ощутимой.

В-третьих, в ранний период существования национального языка не было соответствующей социальной базы для развития разговорной речи в пределах литературного языка, т. е. еще не было достаточно широкого круга людей, для которых литературная разговорная речь могла бы быть привычным повседневным средством бытового общения.

Свидетельством того, что обиходно-бытовая речь стояла за пределами литературного языка, может быть состояние русского языка XVIII в., отраженное в художественной литературе и словарях того времени. Все исследователи отмечают, что в литературе этого периода нет показа разговорной речи в современном содержании этого термина, что речь городского дворянства близка к речи «низких» социальных слоев — мещанской и крестьянской³². Все эти слои говорят на просторечии, а просторечие в этот период, по словам В. В. Виноградова, «включает в себя не только разговорно-фамильярные стили интеллигенции, но и бытовой язык разных социальных групп города, поместья, иногда даже деревни»³³. Очевидно, этот тип речи, получивший отражение в художественной литературе XVIII в., и был средством повседневно-бытового общения для широких слоев русского общества той поры. Показательно, что положительные герои комедий говорили или так же, или с явным налетом книжности (ср. речь Стародума и Правдина у Фонвизина).

Аналогичные отношения наблюдаются и на материале других языков. Исследователи немецкого языка отмечают, что «в устном общении с литературным языком усиленно конкурировали диалект и полудиалект». Это наблюдается «не только в XIX, но и в XX вв., когда немецкий литературный язык постепенно распространился и на устное общение, в устной форме литературного языка, особенно в его разговорно-бытовом использовании, все еще сохраняются местные различия в лексике, фразеологии и отчасти в грамматике»³⁴. Факты областного произношения отмечаются в языке Гёте, Шиллера и других поэтов XVIII в.³⁵ Все это позволяет говорить об отсутствии в Германии в течение очень долгого периода особого типа разговорной речи в составе литературного немецкого языка.

Слабое усвоение литературных норм живой разговорной речью отмечается и в работах по истории французского языка. Деятельность Малерба, Вожла и других реформаторов французского языка очень убедительно это показывает³⁶. Аналогичные факты наблюдаются и на материале развития других языков.

Вместе с тем наряду с широким использованием просторечия, полудиалектов и других переходных форм речи и остаточным, пережиточным использованием диалектов по мере укрепления национального литературного языка начинают наблюдаться факты, свидетельствующие о развитии особого типа разговорной речи уже непосредственно в его рамках. Важным моментом такого процесса является выработка норм устной речи, что

³² Ю. С. Сорокин, Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской (1789—1794 гг.)», «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», I, М — Л., 1949, стр. 101; Т. П. Князькова, Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70-х годов XVIII века (материалы и наблюдения), сб. «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века», М. — Л., 1963, стр. 146 и др.

³³ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 213.

³⁴ М. М. Гухман, Становление литературной нормы немецкого национального языка, стр. 252.

³⁵ Там же, стр. 272—273.

³⁶ «История французского языка», М., 1963, стр. 345—365.

всегда, как отмечалось, происходит позже, чем для речи письменной. Это процесс не менее длительный и сложный, чем выработка норм письменной речи. Так, в Германии «уже в XVII в. обозначаются первые элементы нормализации устной формы языка»³⁷, однако процесс этот до сих пор нельзя считать завершенным³⁸. Длительным он был и в других странах, в том числе и в России.

Базой для формирования разговорной разновидности литературного языка служат верхние слои просторечия, наиболее свободные от диалектных элементов, полудиалекты политических и культурных центров страны. Однако для того чтобы оказаться в основе литературного языка, они должны пережить своеобразное «олитературирование», процесс очищения от «низких» элементов. Отражением этого процесса служит использование элементов просторечия в литературе не как средства социальной характеристики персонажа, а как нового особого экспрессивно-стилистического элемента; особая окраска разговорности их используется в письменном литературном языке и вне сферы передачи разговорной речи³⁹.

Действительно, для того чтобы появилась разговорная речь как особая разновидность литературного языка, необходимо было сближение просторечия, выполнявшего функцию обиходно-бытовой речи, и литературного языка. Первый шаг к такому сближению был сделан с появлением литературного языка, сложившегося на своей национальной основе, второй должен был сблизить различные компоненты общенационального языка. В России это наблюдается в первой трети XIX в., когда элементы просторечия широко входят в литературу, а литература становится образцом для подражания в разговорной речевой практике образованных людей того времени. Этого не могло бы быть, если бы литературная речь продолжала оставаться оторванной полностью от обиходно-бытового просторечия. В творчестве ведущих русских писателей начала XIX в. — Крылова, Грибоедова, Пушкина — успешно преодолевалась эта оторванность. Прав В. Д. Левин в своем утверждении, что не Карамзин, а именно Пушкин ориентировался «на живую разговорно-бытовую дворянскую речь»⁴⁰, осуществляя тем самым сближение просторечия с литературным языком, приводящее к появлению разговорной речи как особой разновидности литературного языка. «Органическая связь пушкинского языка с реальной речевой общественной практикой, — пишет В. Д. Левин, — выражалась и в том, что в нем отразились и закрепились тенденции развития дворянского просторечия в сторону его олитературирования, очищения от „простонародности“». Очень важно, что, по словам В. Д. Левина, пушкинская практика «не только ориентировалась на живые тенденции развития разговорной речи дворянского общества, но одновременно и противостояла некоторым таким тенденциям — приметам антидемократической салонности»⁴¹.

Роль художественной литературы в становлении разговорной разновидности литературного языка отмечается многими исследователями⁴². В работах подчеркивается и то, что в основе разговорной разновидности литературного языка оказываются не отдельные диалекты, а просторечие

³⁷ М. М. Гухман, Становление литературной нормы немецкого национального языка, стр. 272.

³⁸ Там же, стр. 252.

³⁹ См.: В. Д. Левин, «Евгений Онегин» и русский литературный язык, ИАН ОЛЯ, 1969, 3.

⁴⁰ Там же, стр. 241.

⁴¹ Там же.

⁴² См., например, Т. Б. Алисова, Особенности становления норм итальянского письменного-литературного языка в XVI в., «Вопросы формирования и развития национальных языков», стр. 202—203.

или полудиалекты, уже утратившие чисто местные диалектные черты. Это характерно даже для стран с устойчивым сохранением диалектного многообразия, таких, например, как Германия⁴³. Так, исследуя образование немецкого национального литературного языка, М. М. Гухман отмечает, что «сближение языка письменности и разговорно-бытового языка реализовалось как путем проникновения литературного языка в сферу бытового общения, так и путем включения элементов разговорно-бытового языка в литературный язык»⁴⁴. Это позволяет говорить о типичности образования разговорной разновидности литературного языка в результате взаимодействия просторечия (полудиалектов и т. п.) и письменного литературного языка.

Так осуществлялось становление нового компонента в составе литературного языка — разговорной речи. Естественно, что этот процесс требует длительного времени для своего развертывания и завершения. В Германии, например, он зарождается сравнительно рано (XVII—XVIII вв.), но становится особенно интенсивным лишь в XIX—XX вв. В России этот процесс интенсивно развертывается в течение всего XIX в. и особенно в 50—60-е годы⁴⁵. Анализ особенностей развития русской литературной разговорной речи позволяет выявить некоторые условия, необходимые для активного проявления процесса становления нового типа обиходно-бытовой речи⁴⁶. Такими условиями оказываются: 1) наличие определенной социальной базы, т. е. достаточно широкого круга людей, для которых пользование литературной речью стало привычным и постоянным; 2) достаточно четкое проявление функционально-стилевой дифференциации в составе литературного языка, без чего обособление и функциональная специализация разговорной речи были бы невозможны; 3) выработка относительно устойчивой нормы устной литературной речи на основе соответствующего узуса, т. е. появление самой возможности противопоставления устной литературно нормированной и литературно ненормированной речи.

Но наиболее важным, решающим условием оказывается общая социально-историческая обстановка, способствующая или препятствующая развитию новой функции у литературного языка. Неблагоприятные условия: длительное сохранение пережитков феодальной раздробленности (как в Германии и Италии), национальное неравноправие языка (как было с чешским языком в Австро-Венгрии) и т. п. — задерживают процесс развития разговорной разновидности в составе литературного языка.

Очень показательна в этом плане судьба чешского разговорного языка. Группа чешских ученых считает, что «разговорная форма чешского литературного языка существовала еще до Тридцатилетней войны (первая половина XVII в.), но она отмирала в период упадка, когда в результате изгнания из страны последователей некаатолических вероисповеданий и германизации дворянства и городов постепенно исчезли из чешского народа те слои и классы, которые пользовались разговорной формой литературного чешского языка в повседневном общении и были в феодальном обществе носителями культивированной языковой традиции»⁴⁷. В результате

⁴³ М. М. Г у х м а н, От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. II, М., 1959, стр. 181—182.

⁴⁴ Там же, стр. 181.

⁴⁵ О. А. Л а п т е в а, К вопросу о месте современной русской устно-разговорной речи в кругу явлений литературного языка, «Русск. яз. за рубежом», 1968, 1, стр. 5.

⁴⁶ См.: Л. И. Б а р а н н и к о в а, О социально-исторической обусловленности развития русской разговорной речи, сб. «Русская разговорная речь», Саратов, 1970.

⁴⁷ А. Б е л и ч, Б. Г а в р а н е к, А. Е д л и ч к а, Ф. Т р а в н и ч е к, К вопросу об обиходно-разговорном чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку, ВЯ, 1961, 1, стр. 50.

этих неблагоприятных исторических обстоятельств разговорная форма чешского литературного языка складывается как бы вновь с значительными затруднениями, а роль обиходно-разговорной формы чешского языка (*obecná čeština*), являющейся интердиалектом, оказалась более значительной, в известном отношении сохранившейся до сих пор. П. Сгалл полагает, что именно этот обиходно-разговорный чешский язык, «развиваясь, постепенно становится общеразговорной формой национального языка»⁴⁸. Б. Гавранек считает, что, кроме него, существует и разговорный чешский язык как особая функциональная разновидность литературного языка⁴⁹. Для нас важно, что и в данном случае происходит переход функции обиходно-бытового общения к разновидности литературного языка (с чем по существу согласны оба исследователя).

Думается, что наличие разговорного слоя как особого компонента (подъязыка, «функционального слоя») в составе литературных языков есть важный показатель высокого уровня развития национального литературного языка, того «единства языка», о котором говорил В. И. Ленин, характеризуя роль языка при развитии капиталистических отношений⁵⁰.

Таким образом, если в донациональный период основным средством обиходно-бытового общения были территориальные диалекты и рядом с ними постепенно выдвигались городские койне, полудиалекты и пр., то в период после образования национального языка территориальные диалекты становятся нетипичным, пережиточным средством обиходно-бытового общения. Основным средством становятся различные внутериориальные компоненты языка (просторечие, полудиалекты, интердиалекты). На основе их взаимодействия с письменным литературным языком в более поздний период развития национальных языков формируется особая разновидность литературного языка, которая и принимает на себя функцию средства обиходно-бытового общения.

⁴⁸ П. С г а л л, Обиходно-разговорный чешский язык, ВЯ, 1960, 2, стр. 18.

⁴⁹ Б. Г а в р а н е к, указ. соч., стр. 439—441.

⁵⁰ В. И. Л е н и н, Полн. собр., соч., 25, стр. 258—259.